

Ленгленд Уилльям

**Видение Уилльяма о Петре
Пахаре**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
У36

У36 **Уилльям Л.**
Видение Уилльяма о Петре Пахаре / Ленгленд Уилльям – М.: Книга по Требованию, 2023. –
276 с.

ISBN 978-5-519-93040-6

ISBN 978-5-519-93040-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

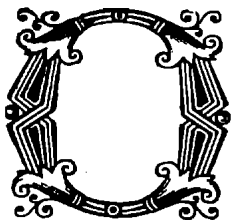
ВИДЕНИЯ ЛЕНГЛЕНДА

И СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ

АНГЛИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

I

Б авторе предлагаемого русским читателям произведения сохранилось очень мало сведений, и неизвестно даже, назывался он Ленглендом (Langland) или Ленгли (Langley). Достоверно только, что он носил имя Уилльяма.

Родился он около 1332 года, повидимому, в Cleobury Mortimer в Шропшире, и был сыном свободного мелкого землевладельца (франклина — по тогдашней социальной терминологии). Отец и его друзья поместили его в школу, повидимому, при монастыре в Большом Мальверне (Great Malvern) в Устершире (Worcestershire), где он и получил соответствующее образование, по существу церковное, которое дало ему право быть посвященным в духовное звание, стать клириком и носить тонзуру.

Эти отцовские друзья умерли, не успев устроить Уилльяма по окончании им школы, а сам он, склонный больше к жизни созерцательной, чем реальной, и к тому же, повидимому, не чувствовавший расположения к какому-либо образу жизни, требовавшему инициативы и напряжения воли, едва ли достаточно сильной у него, пошел по линии наименьшего сопротивления. Переселившись в Лондон, он стал в ряды многочисленного класса, зарабатывавшего весьма скудные средства для полуголодного,

в большинстве случаев, существования пением панихид и заупокойных обеден в притворах церквей и в особых часовнях (так называемых *chantries*), построенных богатыми людьми, обеспечившими их солидными вкладами для поминальных служб об их грешных душах в надежде на „вечное блаженство“.

Огромное большинство этого своеобразного класса в своих познаниях едва ли шло дальше механического усвоения соответствующих латинских песнопений (*placebo*, *dirige* и семи псалмов) и не было способно ни к какой другой интеллигентной профессии, требовавшей тогда хорошего знакомства с латинским языком. Несмотря на то, что Ленгленд был человеком образованным, знавшим латинский и французский языки и очень начитанным в латинской, прежде всего церковной, литературе, он не мог выбиться из рядов этого класса и только кое-как поддерживал свое скудное существование составлением юридических актов, технический латинский язык которых ему был хорошо знаком.

На эти жалкие средства он должен был содержать не одного себя: у него была жена Кит (Kitte) и дочь Калот (Calote). По многим намекам в поэме Ленгленда можно заключить, что жил он в крайней бедности. Женитьба преградила ему дорогу к более завидной церковной карьере (если только он думал о ней). К тому же, по его собственным словам, он был „слишком длинен, чтобы низко нагибаться“ (он был действительно высок ростом, и ему дали прозвище „длинного Уилли“ — *Long Wille*), и не имел охоты почтительно приветствовать лордов и леди, особ, одетых в меха или носящих серебряные украшения, и никогда не чувствовал желания говорить „Спаси вас бог“ стряпчим, с которыми встречался на улице. За это на него смотрели как на полоумного.

Повидимому, жизнь в Лондоне стала для него непомерно трудной, и ему пришлось переехать в Бристоль. Умер он, вероятно, в 1400 году, вскоре после восшествия на престол Генриха IV.*

* См. Introduction к английскому тексту „Петра Пахаря“, составленное его издателем Skeat'ом, а также книги Жюссера (Jussierand): *L'épopée mystique de William Langland*. Paris, 1893 и „История английского народа в его литературе“, СПб, 1898 (очень неудовлетворительный перевод).

Visio Willelmi de Petro Plowman („Видение Уилльяма о Петре Пахаре“) представляет собою первую часть, совершенно самостоятельную, поэмы Ленгленда „Liber de Petro Plowman“ („Книга о Петре Пахаре“). Вторая часть „Книги“ первоначально носила название „Visio ejusdem de Do-wel, Do-bet, et Do-best“ („Его же видение о *Делай добро, Делай лучше и Делай наилучше*“), и лишь впоследствии обе части стали рассматриваться автором как составные части „Книги о Петре Пахаре“.

До нас дошло не менее сорока четырех рукописей поэмы. Автор два раза переделывал ее, и эти три редакции существенно отличаются друг от друга. Авторитетнейший исследователь рукописей поэмы и издатель ее W. W. Skeat точно устанавливает эти редакции как текст А, текст В и текст С.

Самым ранним текстом является текст А, составленный около 1362 года и представляющий собою первый, черновой набросок поэмы в 2567 стихов. В нем „Видение о Петре Пахаре“ и „Видение о *Делай добро, Делай лучше и Делай наилучше*“ совершенно отделены одно от другого; текст первого состоит из пролога и восьми passus (так автор называет отдельные главы своей поэмы) (всего 1833 стиха), а второе — из пролога и трех passus (всего 734 стиха).

Текст В написан автором лет через пятнадцать после текста А, в момент сильного общественного возбуждения, вызванного политическими событиями 1377 года, — последнего года царствования короля Эдуарда III, ознаменовавшегося крупными хищениями и насилиями правящей группы, захватившей власть в свои руки и возглавлявшейся Джоном Гентским (John of Gaunt), герцогом Ланкастерским. Лучшим из всех трех текстов Скит считает текст В, как дающий полное представление об авторе и его оригинальном даровании. Текст А был заново переработан — в него было внесено много нового, и объем его увеличился втрое. Полный текст поэмы состоит теперь из „Видения о Петре Пахаре“, заключающего в себе пролог и 7 passus, и „Видения о *Делай добро, Делай лучше и Делай наилучше*“, заключающего в себе 3 пролога и 10 passus (именно: пролог и 6 passus, пролог и 3 passus и пролог и 1 passus). Предлагаемый здесь русский перевод „Видения о Петре Пахаре“ сделан с этой второй

редакции текста „Видения“, напечатанного Скитом отдельно и снабженного им введением, обстоятельными примечаниями и словарем.*

Текст С явился в результате пересмотра автором текста В и внесения в него дополнений между 1380 и 1390 годами. Он состоит из 10 passus „Видения о Петре Пахаре“, из 7 passus Do-well, 4 passus Do-bet и 2 passus Do-best. Деления на прологи в этом тексте нет. В этом тексте поэмы заметна тенденция к многословию и к богословским тонкостям. Кроме этой поэмы, Ленгленд в конце своей жизни, в 1399 году, написал еще поэму о короле Ричарде II, которую издававший ее Скит назвал „Richard the Redeless“ („Ричард, не слушающий советов“).

III

Ленгленд, как и его современник Чоусер, писал свои произведения на английском языке. Это делало их доступными широким кругам, но едва ли тем, среди которых был популярен Чоусер, доставлявший своим читателям прежде всего эстетическое удовольствие. Автор „Книги о Петре Пахаре“ менее всего думал об эстетике. Его волновали вопросы социальной справедливости, его возмущала господствовавшая в общественных отношениях неправда; своим суровым словом он обличал носителей этой неправды и призывал к покаянию.

Поэма его имеет аллегорический характер. В ней выступают в качестве действующих лиц абстракции, те или иные свойства и способности человеческой природы, больше дурные, чем хорошие, больше пороки, чем добродетели, такие общие понятия, как правда, зло, мудрость, совесть, мир. Но, не говоря уже о том, что абстракции эти нередко облачаются в образы совершенно живых людей с характерными чертами представителей того или иного класса английского общества второй половины XIV века, в поэме выводятся на сцену сами представители этого общества, без всякого намерения автора прикрывать живыми фигурами те или иные моральные отвлеченности.

Благодаря этому поэма Ленгленда, столь далекая по своим задачам от художественных целей, тем не менее

* The Vision of William concerning Piers the Plowman by William Langley (or Langland). Edited by the Rev. Walter W. Skeat, M. A. Third Edition, Revised. Oxford. At the Clarendon Press. MDCCCLXXXI.

представляет собою весьма значительное произведение художественной литературы средневековой Англии, и поэтому тем сильнее она заставила почувствовать социальную неправду тех, кто был способен ее почувствовать, и прежде всего тех, кто больше всего страдал от нее. Не удивительно, что в этих кругах поэма о Петре Пахаре сразу же приобрела широкую популярность. До нас дошло, как было уже указано, не менее сорока четырех рукописей ее; но сколько их было истреблено в разное время теми, кому исповедывавшаяся Ленглендом правда была совсем не по душе, сведений об этом, к сожалению, не имеется.

IV

Автор изображает себя странником, который „пошел бродить по этому широкому свету, чтобы послушать о его чудесах“; утомленный ходьбою, он прилег отдохнуть на Мальвернских холмах и скоро заснул. И ему приснился сон. Он увидел поле, полное народа. Тут были и простые люди, и богатые, и работающие, и ведущие бродячую жизнь, „как это водится на свете“. „Одни ходили за плугом, редко предаваясь веселью; насаждая и сея, они несли очень тяжелую работу и добывали то, что расточители (wastours) прожорливо истребляли“. Тут были и торговцы, и менестрели, и шуты, и жонглеры, „Иудины дети“, и нищие, и попрошайки, притворяющиеся нищими, чтобы добывать себе пропитание, пилигримы, рассказывающие всякие небылицы о том, что они видели в тех местах, которые они посетили, пустынные, толпою отправляющиеся в Уолсингем, с крючковатыми палками в руках и в сопровождении своих подруг, „большие и долговязые олухи, которые не имели охоты работать; одевались они в рясу, чтобы их отличали от других, наряжались пустынножителями, чтобы вести легкую жизнь“. Есть тут и нищенствующие монахи, всех четырех орденов, „поучающие народ для своей собственной пользы“. Продавец индульгенций (a pardoner) отпускал здесь мирским людям грехи, показывая им буллу с печатями епископа и заставляя их целовать ее, становясь на колени, „и добывал своей буллою кольца и брошки“. Были здесь и приходские священники, с разрешения епископа живущие в Лондоне, совсем не думая о своих пасомых; а некоторые из них служат у лордов и леди управляющими.

(stewardesses) их именами, небрежно отправляя церковные службы. Явился сюда и король. „Рыцарство им руководило. Власть общин поставила его на царство“. Ангел, опустившись с небесной высоты, дает ему советы, как ему следует управлять.

Внезапно прибегает толпа крыс и мышей, „и стали совет держать о своей общей пользе“, о том, как им избавиться от придворного кота (a cat of a court), который своей „опасной игрой“ делает им жизнь невыносимой. Крыса, „прославленная своими мудрыми речами“, предлагает надеть на кота ошейник с колокольчиком, звон которого предупреждал бы их о приближении кота и давал бы им возможность во-время прятаться от него. Предложение было одобрено всеми, но мышь, еще более мудрая, чем сделавшая это предложение крыса, убедила толпу бросить это дело, оставить кота в покое: ведь если бы кот даже был убит, на его место явился бы другой; да без кота, кроме того, нельзя и обойтись, — „замешательство наступит среди нас всех, хотя мы и избавимся от негодя“.

Предоставляя другим отгадывать смысл этой сцены, так как сам он не имеет для этого смелости, автор возвращается к описанию наполнявшего поле народа. В этой толпе были еще адвокаты в шелковых шапках, защищавшие в суде право за пенсы и фунты, от которых „не добьешься „гм“ из их уст, если не покажешь им денег“, бароны, горожане, крестьяне (bonde-men), женщины-пивовары, булочницы, мясники, шерстоткачихи и ткачихи полотна, портные, медники, сборщики пошлин на рынках, каменщики и рудокопы и много других ремесленников. Среди всех других рабочих (laborers) выделялись землекопы, „которые плохо делают свое дело и прогоняют длинный день пением „Спаси вас бог, госпожа Эмма!“ („Dieu vous save, Dame Emmel“). Повара и их слуги зазывали к себе народ криками: „Горячие пирожки, горячие! Хорошие поросята и гуси! Пойдемте обедать, пойдемте!“ А трактирщики соблазняли народ белым вином из Эльзаса и красным из Гаскони, с Рейна и из Рошели, „чтобы переварить жаркое“.

Поле это было расположено между башней на возвышении, „искусно построенной“, и тюрьмой в глубокой долине, окруженной глубокими рвами, „мрачной и страшной на вид“.

Появляется прекрасная леди и объясняет автору, кто живет в башне на возвышении и кто в мрачной тюрьме,

что в долине. В башне обитает Правда, творец всего сущего, бог отец, создавший всех людей и давший им пять чувств, чтобы чтить его ими, повелевший земле снабжать их самым необходимым для жизни. Темница в долине — это замок заботы (the castel of care). „В нем живет существо, которое называется Злом, отец Лжи; он сам ее и создал“. На просьбу автора раскрыть свое имя прекрасная леди говорит, что она — святая церковь, и странно наставляет его, выясняя ему, какое великое сокровище Правда, „лучше которой нет сокровища“, рассказывая, как Люцифер пал из-за своей гордости, убеждая его, что вера без дел мертва, и что путь к небу — через любовь.

На просьбу автора научить его, как он может познать Ложь, прекрасная леди сказала ему: „Взгляни в левую сторону и посмотри, где стоят Ложь, Лесть и их многие товарищи“. Он взглянул и увидел женщину, необычайно роскошно одетую, „увенчанную короной, лучше которой нет и у короля“, в кольцах, богато усыпанных драгоценными камнями самой дорогой цены. На вопрос автора: „Что это за женщина, так богато одетая?“, прекрасная леди сказала, что это дева Мид (Mede the Mayde; the meed — вознаграждение, мзда, но также и взятка, подкуп, незаконное стяжание). Завтра она выходит замуж „за проклятого грешника, за лживый и изменчивый язык, за порождение врага рода человеческого“.

Выдавать ее замуж собралось много людей. „Вся богатая свита, которая царствует вместе с Ложью, была приглашена на свадебный пир“. Тут были и рыцари и клирики, судебные заседатели (sysours) и судебные пристава (sompnours), шерифы и их клерки, судебные курьеры (bedelles), бейлифы и торговые маклера, закупщики провианта и продавцы съестных продуктов, адвокаты из суда под арками (vocates of the arches) и многие другие. „Но Симония и цивилист, и судебные заседатели были, мне думается, более всех других людей близки с Мид“. Они читают дарственную грамоту (the feffement), наделяющую Мид и ее жениха Ложь разными владениями и многочисленными правами и преимуществами, составленную по всем правилам канцелярского стиля эпохи. Они получают „право быть принцами по гордости и презирать бедность, клеветать и хвастать и лжесвидетельствовать, издеваться и браниться и злословить, быть непослушными и дерзкими и нарушать десять заповедей“, и „право весь день

пьянствовать в разных тавернах“, и другие права. За это они отдадут в конце года свои души сатане.

Теология возражает против этой свадьбы и оспаривает ее законность. Решено было всем отправляться в Уэстминстер и там представить дело на решение суда. Мид посадили „на шерифа, заново подкованного, Лож сел на заседателя, который трусил мягкой рысцой“, а Симония и цивилист приказали оседлать для себя судебных приставов. За ними следовала многочисленная свита „из многих сортов людей, которые на этой земле живут“. Король был предупрежден Совестью обо всем этом и поклялся, что если бы мог схватить Лож и Лесть, он приказал бы их повесить. Констеблям и сержантам было приказано связать и заключить в оковы Лож и его товарищей. „Все разбежались от страха и попрятались по углам“. Осталась одна Мид и была арестована.

Ее приводят к королю. Король приказывает отвести ее в назначенное для нее помещение и доставить ей всякие удобства и развлечения и обещает сам рассмотреть ее дело. Шуты и менестрели увеселяют ее. Все живущие в Уэстминстере являются к ней на поклон. Судьи успокаивают ее „со всей галантностью, на какую делала их способными их образованность“, советуют ей не горевать, обещая: „мы научим короля и придумаем для тебя способ выйти замуж, как тебе хочется и где тебе угодно, не взирая на все ухищрения и уловки Совести“. За это Мид наделяет их богатыми подарками.

Затем приходят клерки и также успокаивают ее и уверяют в своей преданности и готовности исполнять ее волю, пока она живет на свете. Она обещает сделать их лордами: „никакое невежество не помешает человеку, которого я люблю, выдвинуться на первое место...“, тогда как знающие дело клерки будут плестись позади“. Является исповедник в одеянии нищенствующего монаха и предлагает ей разрешить ее от грехов за меру пшеницы, обещает ей: „буду также твоим богомольцем и буду распространять твою славу среди рыцарей и клерков, чтобы развратить Совесть“. Мид становится на колени и исповедуется. Монах предлагает ей вставить расписные стекла в окна его монастыря, за что душа ее наверное получит царствие небесное, и она охотно соглашается на это.

Выходит из совета король и приказывает позвать Мид. Он прощает ей ее вину и предлагает ей выйти замуж за.

рыцаря Совесть, на что она охотно соглашается. Посылают за Совестью. Рыцарь Совесть решительно отказывается брать в жены Мид и дает ей пространную характеристику как источнику неисчислимых бед, от которых терпят все классы общества. Мид произносит в свою защиту речь, в которой старается доказать, что без нее никто не может обойтись, и само общество не может существовать: ведь всякий труд и всякая услуга требуют вознаграждения (слово *meed* означает прежде всего вознаграждение, а потом уже взятку, подкуп). Королю эта речь кажется убедительной, и он находит, что „Мид вполне достойна иметь власть“ (*the maistrye to haue*). Но не убеждает она рыцаря Совесть, который в свою очередь произносит речь и в ней выясняет разницу между двумя родами Мид (вознаграждением за труд и подкупом, взяткой, незаконным стяжанием), которые леди Мид намеренно смешивала в своей речи, и в заключение предсказывает о предстоящем царстве Разума, который накажет всех творящих зло и установит на земле мир и любовь.

Король посылает Совесть за Разумом, чтобы тот правил его царством и давал ему самые лучшие советы. Является Разум. Король ласково встречает его, сажает между собой и своим сыном, „и они долго вели между собой мудрые речи“. Входит Мир и приносит жалобу на обиды и насилия, которые он потерпел от Неправды (*Wronge*). Неправда предлагает Мудрости много денег, чтобы тот защитил его. Мудрость и Умный вместе с Мид отправились добывать Неправде у короля прощение путем уплаты штрафа деньгами, данными для этого Неправдой. Они стали убеждать короля простить Неправду. Мид предлагает Миру подарок, „весь из чистого золота“, и Мир удовлетворяется этим возмещением и, с своей стороны, просит короля помиловать Неправду. Король непреклонен и говорит, что Неправда будет сидеть в колодках, если только Разум не сжалится над ним и Покорность не поручится за него. Некоторые просили Разум сжалиться над Неправдой и посоветовать королю согласиться на то, чтобы Мид была поручителем за Неправду.

Разум не согласен на прощение и произносит длинную речь для обоснования своего мнения, во время которой Мид „перемигивалась с адвокатами (*men of law*), и они с улыбками подбегали к ней“. Король признал

правильными аргументы Разума и просит его оставаться с ним навсегда. „Пока продолжится наша жизнь, будем жить вместе“. Король и его рыцари отправляются в церковь к заутрене и к обедне.

Автор просыпается, но вскоре опять засыпает и опять видит поле, полное народа. Разум с крестом в руке произносит проповедь, в которой говорит, что чума и ураган были посланы за грехи людей, и убеждает всех покаяться и добросовестно исполнять свои обязанности. Многие стали каяться и исповедываться в своих грехах. Автор останавливается на исповеди семи грешников, олицетворяющих собой семь смертных грехов: Гордость, Невоздержанность, Зависть, Гнев, Жадность, Пресыщение, Лениность. Из них последние пять являются перед нами в образах совершенно живых людей с типическими чертами представителей классов тогдашнего общества.

Короткий пересказ художественных страниц, посвященных автором изображению этих грешников, мало может дать читателю, да он и не нужен, так как никаких ориентирующих указаний тут не требуется. Особенно обращает на себя общее внимание фигура, олицетворяющая пресыщение (Gula), и та бытовая обстановка, в какой она появляется. Вместо церкви, куда он шел исповедываться, Обьедало попадает в пивную, соблазнившись словами встретившейся ему на дороге хозяйки пивной, что у нее есть хороший эль. Тут он застаёт большую компанию обычных посетителей этой пивной, среди которых он, повидимому, пользуется большой популярностью. Они встречают его радостными криками и угощают хорошим элем. Тут и Сис, башмачница, и сторож заповедника Уотт с женой, и Тимм, медник, и двое его учеников, и содержатель извозчичьей биржи Хикк, и Хью, продавец иголок, и Кларисса из Кок Лейн, и церковный служитель, и Доу, землекоп, и сэр Петр Прайди, и Перонелла из Фландрии, и странствующий музыкант, и крысолов, и мусорщик с Чипсайда, и канатный мастер, и конный господский слуга, и Роза, продавщица металлической посуды, и продавцы старого платья. Затевается игра, носящая название *handicapping*. Кто проиграет, тот должен встать и поклониться сэру Обьедале галоном эля. „Были тут и смех, и брань, и песня „Пусть чаша гуляет“. Так просидели они до самой вечерни. Обьедало еле дотащился до порога и тут же свалился.